

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВ

ПУЗЫРНИК

Дмитрий Александров Пузырник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68610381

SelfPub; 2022

Аннотация

Большие сиреневые шары, надувающиеся повсюду... Что ищет эта странная инопланетная форма жизни на Земле?

Дмитрий Александров

Пузырник

Первый пузырник появился на Земле девять лет назад. Он надулся в коровнике. Когда пузырник лопнул, ветхое здание разметало по деревне. Одну из коров выбросило за забор, и поскольку было раннее утро, то ещё до приезда полиции кто-то успел срезать с неё приличный кусок.

Следующий надулся в Н***ске, на центральной площади. Он успел пообщаться со студентом, попал в шесть мобильных телефонов в виде фотографий и затем лопнул. Студент долго ходил в гипсе, стал знаменитым, но из института вылетел.

Пузырники надувались здесь и там. Образовался штаб по их изучению (в котором, разумеется, заправляли военные). Пришельцев пытались перевозить, но это обречённое дело заканчивалось всегда хлопком и разлетающейся сиреневой массой с запахом бергамота. Тогда их принялись укрывать, подбирать в этом укрытии газы или жидкости в надежде создать условия их родной планеты. Пузырники людских усилий не ценили, не принимали и лопались с особым старанием, причиняя большие разрушения.

Вскоре они разочаровали военных.

Позже разочаровали охотников на пришельцев.

Через год они всем надоели, через два к ним привыкли.

Со временем пришельцы стали надуваться только в местах тихих, малолюдных. Лопались они теперь тоже без лишнего шума и разрушений, просто лопались. Жижа высыхала, и следов практически не оставалось.

Заговаривали пузырьники не с каждым. Возможно, их интересовали только определённые люди; во всяком случае в их выборе не было видимой системы. Человек слышал из мягкого двухметрового шара свой собственный голос, и многие из тех, кому выпал шанс пообщаться таким образом с инопланетянином, пугались и уходили прочь.

Стоит сказать (хотя это никак не красит нас, людей), что сразу появились пузыроненавистники. В пришельцев кидались, стреляли из ружей, поливали водой, пытались даже поджигать. Насколько было пузырьникам это безобразие неприятно, мы не знаем; во всяком случае, оно не приносило им никакого вреда. Поговаривали, что позже у хулиганов начинали расти в разных местах малиновые волосы – эта страшилка была одно время очень популярна.

Мне доводилось пару раз видеть пузырьников. Первый раз на ржаном поле, на краю которого я отдыхал, возвращаясь домой с работы. Большой шар медленно надулся метров до трёх и тут же лопнул. Так бывало часто, ничего удивительного.

Второй раз пузырьник надулся возле хлебного фургона. Пузырника окружили мальчишки и стали кричать всякие глупости и кидать в него поеденную червём сливу-дичку, но

тот ничего не отвечал, и когда дородная продавщица отогнала всех прочь, лопнул, точнее тихо сдулся, превратившись в лужицу.

И вот я встретил моего третьего пузыря.

* * *

Свежим апрельским утром наша буханка ползла по просеке через грязь и гнилушки – искать место аварии на линии электропередач. У сто пятьдесят третьей опоры напарник остановил машину:

– Кабеля нет. Черти, опять срезали, что ли? Ворьё!

Он спрыгнул вниз, прижал руку к правому боку (у него дня два уже кололо что-то в правом боку), скривил губы, глядя на осколки изоляторов, лежащие под столбом. Я тоже вылез. Почти недвижимый воздух наполнял лёгкие ощущением спокойствия, отрешённости. «Пустяки, – говорило утро, – мелочи». «Пустяки» – вторила ему неровная трель припозднившейся зарянки.

– Тереть-перетереть! Придётся ехать на базу: склянки забыли.

– Я здесь подожду. Соседние схожу осмотрю, – ответил я. Хотелось ещё подышать этим спокойным мудрым воздухом; трястись в прокуренной буханке и слушать ворчание не хотелось.

– Как знаешь, – он, так и не разгибаясь до конца, кряхтя,

залез в машину, дёрнул рычаг. Шум двигателя потревожил ненадолго утреннюю тишь, буханка с трудом выбралась из глубокой колеи, развернулась и, качаясь, заковыляла обратно. Снова вернулся покой. Я закрыл глаза, медленно впустил в лёгкие апрельский воздух. Сколько в нём от марта и сколько от мая? Кажется, майского уже побольше – хорошо.

Между опорами всё было топь и глина – сапоги скользили, и я решил, что разумнее пройти по краю густого старого ельника. Глубокий таинственный лес занял меня, и я сначала не обратил внимания на тихое шипение, раздававшееся от просеки. А когда повернулся – он был уже там. Обычного размера, обычного цвета только что надувшийся пузырник.

Я подошёл к пришельцу. Поверхность его была ещё морщинистой, но постепенно разглаживалась, теряла глянец, покрывалась сиреневым бархатом. Мне отчего-то захотелось поздороваться с ним.

– Привет! – сказал я.

– Привет, – ответил пузырник моим голосом. Ответ можно было бы принять за эхо, случись встреча где-нибудь под мостом, в закрытом месте.

– Что делаешь?

– Объявился. Хочу понять. Почувствовать.

Я потрогал пенёк, рядом с которым появился гость. Сырой, но не настолько, чтобы не присесть.

– Что понять? – усевшись на пенёк, я стал рассматривать пузырника: мне было интересно, откуда он производит зву-

ки.

– Тебя.

От неожиданного ответа я закашлялся.

– Меня? Зачем меня?

– Потому что ты землянин.

«Вот оно что, – подумал я. – Значит, они действительно собирают информацию о нас, обо всём человечестве». Сразу захотелось выглядеть как-то по-особенному, дать пришельцам понять, что с землянами шутки плохи. Одновременно стремление это осознавалось мальчишеским, глупым, как раз недостойным великих землян. Когда хочешь нарочно продемонстрировать силу, обыкновенно показывается твоя неуверенность, слабость.

Пузырник чуть качнулся:

– Что рядом со мной?

Я оглядел пятак грязной глины, из которой ближе к лесу пробивалась кое-какая зелень. Справа от пузырьника, под самым его боком, краснели две стреляные гильзы двенадцатого калибра.

– Ах вот что с изоляторами случилось, – нахмурившись, я поднялся было за гильзами, но чтобы их достать, пришлось бы оказаться прямо рядом с пришельцем (дело не самое приятное), и я сел обратно. – Это оболочки от стреляющего оружия.

– Вы здесь воюете?

– Нет, чиним линию. Оружие было у охотников; похоже,

они стреляли по линии и испортили её.

– Линия приносит охотникам вред? – голосом, лишённым всякой эмоции, спросил пузырьник.

– Вред? Нет, линия всем приносит пользу. Даёт электричество. Они просто развлекались. Стреляли по изоляторам. Хотя... Провод же кто-то срезал, – я задумался.

– Провод я понимаю. Нехватка металла?

– Что? А, вы хорошо осведомлены, – удивился я. – Тут правда не металла, а денег нехватка. И совести, – добавил я, чуть помолчав.

– Я могу спросить про совесть? – на поверхности пузырьника (на обращённой ко мне стороне) проглянуло едва заметное красноватое пятно.

– Конечно.

– Совесть – это орган, которым вы чувствуете зло и добро?

Я рассмеялся:

– Можно и так сказать.

– У нас никогда не было этого органа, поэтому мы не чувствуем. Сложно понять слова «добро», «зло»...

– Значит, люди для вас одинаковы? Не важно, нападают ли они на вас, любят ли?

– Все одинаковы.

Некоторое время мы молчали. Затем я спросил:

– Обида. Обиду ты понимаешь?

– Нет.

– Для тебя добро и зло – одно и то же. Для меня – нет. Я

хочу принадлежать к добру, но для тебя я равен любому другому землянину. Даже самому дрянному, проклятому лгуну, убийце, нацисту. С Гитлером ты бы так же говорил, как со мной: тебе всё равно.

– Все люди одинаково интересны.

– Вот! Это и обидно, – вздохнул я.

– Это от недостатка знания.

– Разве вы не знаете про нас абсолютно всё? – удивился я. Последнее время принято было считать, что пузырьники – это некие образования единого сверхразума, с помощью которых он не то изучает, не то захватывает Вселенную. Поэтому, разговаривая с мягкой сферой, я ощущал, что общаюсь с ними со всеми, с их цивилизацией.

– Охотники – плохие? – прервал мои мысли пузырьник.

– Если ради забавы изоляторы сбили – конечно плохие.

– Как Гитлер?

Я снова кашлянул.

– Нет! Гитлер – Гитлер намного хуже. Вы что, ничего не знаете о Гитлере? Это... Ну хорошо, это абсолютное зло. Крайняя точка на шкале зла.

– То есть, относительно Гитлера, охотники хорошие? – с прежней интонацией спросил пузырьник.

– Как же тебе объяснить... Случись беда – охотники будут защищать других людей от таких, как Гитлер. – Я на мгновение задумался и добавил: – Наверное, будут. Да, – продолжал я, – есть люди, которые делают глупости. Но после мы спо-

собны понять, что ошибались. Стать лучше. И в глупостях не переходим тех границ, за которыми лежит область невозвратного зла. А есть люди, которые такую границу перейдут. Перейдут из ненависти, из зависти, ради выгоды, власти или просто забавы – не важно, чего именно. Понимаешь?

– Это сложно понять, но я очень стараюсь.

Мне показалось, что пузырьник пытается выразить этими словами какие-то чувства. Вторая часть фразы – разве существо, лишённое чувств, скажет так?

– А ты на Земле который раз? – спросил я.

– Первый.

– Значит, впервые. Не представляю, как это – посещать другую планету... – Я хотел аккуратно подтолкнуть разговор в сторону планеты пузырьников (или станции, звезды – места, где они обитают), но инопланетянин внезапно продолжил:

– Мы все здесь первый раз.

– Вам разрешено бывать на Земле только один раз? – удивился я.

– Мы лопаемся.

– Ну да. А потом? Разве не хочется снова? Тем более, если не успел ничего увидеть?

– Не знаю. Потому что это конец.

– То есть, лопнуть – значит, умереть?

– Да, конец существования, смерть.

Одновременно с этими словами над землёй подул холодный ветер. Я поёжился и принялся закрывать липучки на

спецовке. «Так значит, они вовсе не единый организм» – я с удивлением рассматривал пузырьника, будто он изменился, стал чем-то новым.

– погоди, но ведь ты знаешь, что лопнешь. И что это смерть.

– Да.

– И всё равно здесь появился? Может быть, тебя заставили? – в моей голове мелькнули образы ужасного тоталитарного общества пузырьников, в котором правители посылают к далёким планетам ради удовлетворения своего любопытства всё новые и новые шары.

– Нет. Мы пилигримы. Сначала мы использовали слово «чужеземцы». Это была ошибка, поэтому нас неверно понимали.

– Пилигримы? То есть, паломники?

– Пилигримы.

– Не хочешь же ты сказать, что Земля...

– Земля – это наша святыня. Последний шанс искупить свою примитивность. Шанс прикоснуться к тому, что вы зовёте душой, совестью, шанс увидеть разницу между добром и злом.

Я молча смотрел на постепенно темнеющего пузырьника. Поверхность шара едва заметно шевелилась, вздрагивала, будто поддерживать сферическую форму стоило ей больших внутренних усилий (возможно, так оно и было: иначе шар бы сплющивался хоть немного силой гравитации).

– Но ты общаешься с остальными?

– Обрывочно. Случайно. Земля слишком далеко от нашего дома.

Я наклонился к инопланетянину:

– Скажи им, что не стоит так поступать.

– Зачем тогда существовать?

Совершенно растерявшись, я смотрел на него, не находя ответа. Да и есть ли вообще ответ на такой вопрос, универсальный ответ? Если бы я оказался в сказке (земной сказке), то испытывал бы только чувство сострадания, понимание. Однако передо мной был пришелец, и малая, глубокая часть моего сознания продолжала сомневаться в его искренности, в добрых намерениях. Но разве можно сейчас предаваться таким сомнениям? Нужно рассказать ему как можно больше про добро и зло – это мой долг. Может быть, часть этого рассказа станет известна другим пузырьникам. Может быть, именно мне суждено перекинуть мостик понимания между нашими цивилизациями.

– Моё время.

Я вздрогнул:

– Что? Ты скоро лопнешь?

– Факты говорят, что осталась минута. Я постараюсь не создать проблемы, но прошу тебя отойти на десять и более метров.

– Да, конечно. Но слушай, нет ли способа предотвратить это? Я передам всё учёным, чтобы следующие...

– Много способов.

– Говори скорее!

– Нет. Мы не хотим.

– Не хотите?!

– Прошу тебя, отойди.

Я сделал шаг назад, всё ещё пытаюсь найти убедительные слова. Затем ещё шаг, ещё – но слов не находилось. Вот между нами уже десять метров, может, немного больше. Пузырик совсем потемнел; поверхность его покрылась мелкой рябью.

– У меня больше нет обиды, – крикнул я и попытался улыбнуться.

– Я рад, – ответил пришелец.

* * *

Когда подъехал напарник, около старого пня, на глиняном пятаке, блестела сиреневая лужа, в которой искрились ярко-голубые крупинки.

– Что? – он вышел, отдуваясь. Щёки его были розовыми, спина – почти прямой. Чувствовался запах спирта. – Ааа, пузырь! Хлопанул, значит? При тебе?

Я кивнул. Напарник осклабился и покачал головой. Улыбка эта наверняка говорила о выпитом, безо всяких запахов.

– Это они портят ЛЭПы, понял?

Я молча подошёл к луже, наклонился, подобрал гильзы.

Пахло бергамотом, эвкалиптом, канифольным дымом. Напарник, продолжая глупо улыбаться, посмотрел на гильзы:

– И что?

– А то, – я сунул гильзы ему в руку и пошёл к машине. «Какого лешего он напился?» – обернувшись, я хмуро посмотрел на неуклюжую толстозадую фигуру. Напарник ударил сапогом по гнилушке, засунул руки в карманы:

– Давай, надувайся обратно. Фууу, навонял. Слышь, – он посмотрел на меня своими маленькими блестящими глазами, – слышь, он тут всё провонял. Я тебе говорю, эта сволочь сожгла кабель!

Напарник шумно вдохнул и плюнул в лужицу, оставшуюся от пузыряника. Я подошёл к нему, окликнул и, вкладывая вес тела, засадил крюком в левую щёку. Он рухнул в грязь. Не глядя более на него и не обращая внимания на его стоны, я вернулся к машине, сел за руль, захлопнул дверь, завёл двигатель. Рука болела. Снаружи закричал напарник. Я нажал на педаль. Серая стена елового леса побежала назад, машину качало и подбрасывало, сзади громыхали инструменты.

Об авторе

Дмитрий Александров – российский писатель-фантаст, определяющий свой жанр термином «Психологическая фантастика». Профессиональный переводчик японского языка, психолог, художник, путешественник.

Официальная публичная страница автора в сети Вконтакте:

<https://vk.com/daf16>

Электронная почта:

arehara@vk.com